

В книге присутствуют как реальные места, события и герои, так и допущения, географические и прецедентные.

■ Пролог

От запаха мокрой собачьей шерсти тошнило. Комок рвотной массы подкатил к горлу. Она проглотила его усилием воли и выдохнула через нос — рот был заклеен скотчем. Она отчаянно пыталась не задохнуться от подкатывающей к горлу рвотной массы и вони псины.

Зура, беспородная дворняжка размером с немецкую овчарку, лохматая и нечесаная. Старое и спокойное животное, никогда в своей жизни еще никого не покусало, радостно повизгивало на любую ласку, а сейчас помалкивало. Собака не понимала, почему в промозглый дождливый день должна отдать свою конуру другому существу. Не в силах выгнать незваного гостя, Зура втиснулась в сырое грязное пространство, затолкав захватчика территории в глубь своего жилища, сделав вид, что в конуре она одна.

Гостье в конуре Зуры приходилось тяжело. Воздух совсем перестал поступать, все пространство заполнили шерсть и сырость. Ключки волос и подшерстка прилипли к лицу. Связанная по рукам и ногам, она не могла ни пошевелиться, ни перевернуться. Лишь старалась медленно вдыхать через нос, чтобы в него попало как можно меньше собачьего пуха, и с силой

выдыхать, чтобы вытолкнуть ошметки шерсти из носа. Тело онемело. Затекло. Зура раздраженно возилась, потом, засопев, уснула. Время, казалось, тянулось бесконечно. Собачий ошейник на ее шее больно давил, царапины и синяки на теле саднили. По крыше конуры колотил и колотил дождь. Вода стала подтекать под будку. Спину и ноги кололо от холода и долгого лежания в одном положении. Потом все ощущения пропали. Казалось, ее тело умерло и осталось умереть только сознанию. Она прикрыла глаза, уже ничего не ожидая.

«Ты животное! Ты не человек! Ты ничтожество, недостойное жизни! — Слова визгливо звенели в голове. — Разве ты можешь делать то, что делают люди? Нет! Ты не можешь! Обрубок! Свиноматка! Самовар!»

Каждое оскорбление, казалось, как хлыстом лупило по ней. Крики хороводом кружились вокруг, мелькали хохочущие лица.

«Животное должно жить в клетке! Тебе подойдет конура!»

Ее пихали и толкали, щипали и били. Она постаралась отключиться и ничего не слышать. Старалась не чувствовать и не думать. Она только пристально смотрела на издевающуюся над ней девчонку, краснолицую, распаленную от азарта и пыток. Отмечала каждую ее ухмылку, гримасу.

Время, казалось, остановилось совсем. Зура не двигалась. Ни один собачий мускул не шевелился. Вдруг собака дернулась. Псина вскочила и выбежала под проливной дождь, виляя хвостом. Она почуяла запах еды — горячего месива из хлеба, молока, консервов. В окошке конуры появились черные резиновые сапоги.

— Что за черт! — выругался их обладатель. Он не спеша поставил собачью миску на землю, обогнул принявшуюся лакать месиво Зуру.

В просвете конуры не появилось лицо, в дырку просто пролезла рука, узловатая и грубая, нашарив рукав куртки, вытащила пленницу наружу.

— И какой плесени тебе там понадобилось? Что за игры по собачьим будкам лазить? — глухо и безразлично пробормотал мужчина. Он не удивился тому, что она в будке, не сердился, не злился. Просто ему нужно было что-то сказать. Он сдернул кусок скотча с ее лица. Из освобожденного рта выплеснулась рвота. Наконец-то можно было не бояться захлебнуться в собственных рвотных массах.

Мужчина выпустил ее из рук. Она снова упала на землю, лицом в грязь, размытую дождем. Краем ключа он полоснул по скотчу на ее руках, потом на ногах, клацнул замок ошейника.

Она продолжала лежать в грязи на животе. Рвать ее перестало, но подняться не хватало сил.

Мужчина потянул освобожденную пленницу за капюшон, слегка тряхнул и поставил на ноги, облокотив на собачью будку. Она еле стояла, до побелевших пальцев вцепившись в мокрые доски. Рыдая, прохрипела:

— Я не играла. Не я...

Он будто не расслышал ее. Словно не видел ее разодранной одежды, истыканного палкой лица, ссадин в прорехах грязных джинсов. Будто не понимал, что она сама не могла связать себе ноги и руки, наклеить кляп.

— Не играй так больше. Не лезь к собаке. Не дело это. Домой иди, — бурчал он, надевая ошейник на Зуру, проверяя, надежна ли цепь.

— Не я... Как же я смогла бы...

— Не шали... И помалкивай... — более строго велел он, впервые глянув ей в глаза, и пошел прочь.

Она будет помалкивать. Молчать. Только бы и в следующий раз Зура дернулась, почувствовав еду. Только бы появились в проеме будки черные резиновые сапоги.

Как же долго тянулось время. Может быть, оно уже прошло?

■ Глава 1

Черт бы побрал того урода, который придумал будильник. Даже если на смартфоне полностью разрядится аккумулятор, сигнал будильника прорежется сквозь мертвую тьму и, проникнув прямым в мозг, будет выклеивать каждый нейрон, вытягивать все до единого аксоны. Он отнимет каждое мгновение такого ценного сна. Даже не сна, а беспамятства, в которое впадала Кира под утро.

Пока девушка шарила рукой по полке рядом с кроватью в поисках телефона, она осознала, что ее разбудил не будильник, а телефонный звонок. Этот чертов аппарат не разрядился, хотя вчера она не поставила его на зарядку. Наоборот, он демонстрировал полную работоспособность и семь пятнадцать утра.

Не представляя, кто мог разбудить ее в это время, и не найдя в наборе цифр телефона знакомой комбинации, девушка все-таки ткнула в зеленый кружок и выдавила из себя: «Да».

Говорила ей тетка «не пей водку — станешь шлюхой». А вот о том, что водкой можно считать любой алкоголь, в зависимости от употребленного количества, предупредить забыла.

Сухим красным вином до беспамятства налакаться, оказалось, как нефиг делать. Особенно если с него на-

чинать, а заканчивать «Егермейстером»¹ и коктейлем «Космополитен». Кира с трудом вспомнила вчерашний вечер, начинавшийся как пижамная вечеринка в студии танцев. А вот за то, что их потом, к счастью, не в пижамах, по ночным клубам отлавливали, благодарить надо нехватку того самого сухого красного, в недостаточном количестве принесенного в студию изначально. Не настолько одиннадцать девчонок оказались пьяны, чтобы, переодевшись, не отправиться за добавкой.

Впрочем, Кира становится или мудрее, или старше. Проснулась она в своей кровати в одиночестве, в трусах и, вообще чудо, — умытой.

Незнакомый серьезный голос что-то четко и с расстановкой твердил в трубку. По мурашкам на коже и по неким ощущениям пятой точки она догадалась — звонил товарищ из «органов». Имя-отчество она пропустила, а вот «полковник» услышала явственно. Интонации голоса скорее просили, чем приказывали, и это удивляло.

Как Кира ни пыталась, а сложить слова в смысловую конструкцию не смогла. Насколько легко, весело и восхитительно ей было вчера, ровно настолько хреново она себя чувствовала сегодня. Попытку вспомнить, есть ли в холодильнике «Ессенуки», нарушил требовательным тоном произнесенный вопрос:

— Вы подойдете? Я выписываю на вас пропуск?

Кира тяжело вздохнула и спросила:

— Куда я должна подойти и зачем?

— Я только что вам все объяснил, — напомнил серьезный голос.

Кира снова тяжело вздохнула:

¹ J ä g e r m e i s t e r — немецкий крепкий ликер, настоянный на травах.

— Ну а я не услышала... Не разобрала... — Девушка разозлилась на саму себя. Здесь звонивший был ни при чем. Ее обычная реакция на перебор с алкоголем. С детства она пребывала в уверенности, что алкоголь — это плохо. И это «плохо» ей нравилось. Не часто, хорошего качества, в подходящей компании, иногда чересчур в большом количестве, но чертовски нравилось. Перепив вечером и покуролесив вдоволь, она обычно сожалела о содеянном наутро и злилась на себя, что не владела собой. А через какое-то время вновь позволяла себе лишнее.

— Послушайте, — громче и разборчивее проговорила она в трубку, меняя сонную интонацию на уставшую и терпеливую. — Я с бодуна, у меня болит голова, меня тошнит, еще бросает то в жар, то в холод, и, кажется, слегка трясутся руки. Я легла спать часа в четыре ночи и могла бы избежать части описанных мной симптомов, если бы вы меня не разбудили. А так как от меня что-то все-таки нужно вам, то самое минимальное, что вы можете сделать, дабы я не воспользовалась своим правом бросить трубку, это повторить, что вам от меня нужно.

— Утра... — проговорил голос после долгой паузы, и Кира явно расслышала в нем насмешливые нотки.

— Что — утра?

— Четыре — это не ночи, а утра.

— Хорошо. Утра, — согласилась девушка.

— Меня зовут Дмитрий Юрьевич Вольцев. Я полковник МВД. Сейчас у меня в расследовании находится очень неординарное дело. Убиты несколько женщин. По всей видимости, три. Убиты жестоким и необычным способом. Мне нужна ваша консультация. Я приглашаю вас к себе в Управление МВД, к тринадцати часам. Подойдете? Пропуск выпишу. Адрес вам пришлют.

— А кроме меня, вас никто проконсультировать не может? Я давно не занимаюсь такого рода делами. Меня даже каких-то там прав заниматься подобным лишили. — Кира постаралась придать голосу уверенность, а речи — разборчивость. Она не могла сразу определить, обрадовалась она предложению или разозлилась. Пока лишь удивилась. Вот уж не ожидала, что еще когда-нибудь понадобится государству. — А еще у меня не самая хорошая репутация в этой области, мои консультации плохо заканчиваются.

— Репутация — это общее мнение. Меня не интересует чужое мнение и безразлична ваша репутация, мне нужны ваши знания. Мне необходим лучший специалист.

— Подкупаете? — засмеялась Кира. — Лестью. Грубо и напрямую.

— Я готов подкупить вас деньгами и любыми другими благами, которые только позволят моя должность и возможности. Мне действительно нужна ваша помощь, — абсолютно серьезно отозвался полковник.

— Хорошо. Выписывайте пропуск. Я приеду.

Кира отключила телефон и поставила его на зарядку.

— Черт бы побрал полковников, чиновников и убийц! — выругалась она и шмыгнула носом, сдерживая слезы досады. — И жертв, если на то пошло, тоже.

Она вылезла из кровати и отправилась на кухню. В холодильнике нашлась бутылка минералки. Запив три таблетки аспаркама и одну цитрамона прямо из горлышка, Кира уставилась в окно.

Она долго представляла этот разговор. Ну, хорошо, не конкретно этот — подобный. Почти год ждала, что позвонят, скажут, как сожалеют, как ошибались и, вообще, совершили страшную ошибку, готовы публично приносить извинения, компенсировать дарами, иску-

пить кровью. А она будет снисходительна и терпима, ну или резка и мстительна. И точно никогда ни за что, ни под каким предлогом больше в подобное не вляпается. Но время шло, ей так и не позвонили. От нее избавились, и никто об этом не пожалел. Никто не вспомнил и не хватился. Никому умная, талантливая и прекрасная Кира Вергасова не понадобилась.

И она перетерпела, смирилась, успокоилась. Наверное, даже отпустила и забыла. Наладила собственную жизнь в рамках тех возможностей, которые имела сейчас. Поменяла образ существования, работу, привычки. Сменила иллюзии и мечты. И вот, когда она уже гордилась собой, тем, что смогла, справилась, придумала и обрела новую себя, они позвонили...

Киру трясло от злости на себя и от головной боли, а еще от похмелья. Окна выходили на узкую полоску деревьев и на реку. Зеленые кроны колыхались под порывами ветра. Допив бутылку соленой минералки, она почувствовала себя лучше. Кира выстраивала свою жизнь по кирпичику не для того, чтобы сейчас как разъяренная кошка трястись у окна, потеряв душевное равновесие из-за короткого звонка.

Она прищурилась на пару секунд, размышляя, и пошла одеваться. Пока девушка шла до машины, ее дважды чуть не унесло ветром. Один раз в пролете между домами, ей уже чудилось, что она сейчас воспарит, как на крыльях, на полах своего распахнутого стильного тренча, и второй раз — вместе с дверью «Мини Купера» Джона Воркса. Сердце сжалось в комок, когда тяжелая дверь купе резко распахнулась на максимум, пригрозив отвалиться, и Кира буквально на карачках вползала в машину, с силой притягивая широкую дверь к дверному проему.

— Отличный климат! — выдохнула она, смеясь и оглядывая улицу через лобовое стекло. Мамаши бе-

жали вслед за колясками, хозяйки за собачками, все колыхалось и несло.

А климат она действительно считала прекрасным. Лучшим из тех, что могла предложить Россия, если рассматривать города-миллионники.

Когда, два года назад, Кира покидала суетливую, спешащую и вечно бодрствующую Москву, она осознанно выбрала Краснодар. В целом ей было все равно, где поселиться. Она бежала. Чужими ощущала все города страны, и даже Москву, в которой выросла. Жизнь в маленьком городе не рассматривала. Комфорт и хороший быт могут предложить только большие города. А из десятки самых больших городов России Краснодар оказался самым южным.

Почти круглогодичное лето и близость моря стали решающим фактором при ее выборе нового места жительства. Город ее не разочаровал. Сейчас в европейской части страны уже всю властвовали холод, слякоть, грязная мешанина из снега и реагента. А Краснодар нежился в лучах солнца, в нем зеленели деревья, благоухали цветы. Со вчерашнего дня зарядил дождь, и ветер буянил по дворам, но это на пару дней, не более. Легкая передышка перед вторым витком лета. Полноценная осень в Краснодар придет не ранее конца ноября.

Море. Первое время Кира почти постоянно каталась по морю на кораблике, подолгу сидела на берегу, глядя на переливы волн, даже под Новый год купалась в ледяной воде и по-детски радовалась штормам.

Греясь в лучах солнца и подставляя лицо соленым брызгам, она лишь хмыкала и пожимала плечами, вспоминая былые обиды и неудачи, сложности и проблемы.

Наверное, этим и вылечилась. Во всяком случае, она так думала.

■ Глава 2

Полчаса размеренного движения по улицам города — и она припарковала машину на маленькой стоянке у здания, напоминавшего склад. Кирпичные стены, выкрашенные в белый цвет, узкие, словно бойницы, окна. Фасад здания выходил на большую улицу, и с той стороны его отделали каменными плитами. Выглядело презентабельно. А вкладывать деньги в стены, невидимые посторонним взорам, не спешили. В этом районе Краснодара дома стояли плотными шеренгами и ветер властвовал меньше, но памятуя о непогоде, она поспешно выскользнула из автомобиля и забежала под неброскую вывеску «Клуб единоборств “Бульдог”».

Спустя час с Киры ручьями стекал пот, даже широкие шорты, мотавшиеся колоколом в начале тренировки, прилипли к ногам.

— Ну что ты вокруг нее танцуешь! Не здесь танцевать будешь! Давай! — орал Аркадий, брызгая слюной и сверля девчонок суровым взглядом.

— Бей! Бей! Выше!

— Все! — завопила Вика, ее партнерша, перекрестила руки в перчатках и быстро отошла.

— Я тоже, — выдохнула Кира.

— Ты отлично держишь удар, хорошо ставишь защиту, но бьешь слабо, неуверенно, — комментировал тренер. — Боишься.

— Она меня жалеет, — хмыкнула Вика, вытираясь полотенцем и беря бутылку с водой. — Бойтся сделать больно.

Аркадий пожал плечами.

— Ты мужика ей приведи. — Вика смеялась сквозь воду, булькающую во рту. — Вот на нем она оторвется.

— Глупенькие вы, — тренер покачал головой. — Бокс не решает проблем с головой, кроме тех, которые решаются сотрясением мозга. — Мужской удар — это принципиально другая сила, вектор...

Кира тоже взяла бутылку с водой.

— Ты обещал! — напомнила она, уставившись на тренера не моргая. — Ты обещал выставить против меня парня!

— Я над этим думаю, — не стал возражать Аркадий. — Тут кто попало не подойдет. Весовая категория должна быть хотя бы приблизительно твоя.

Вика захохотала в голос, брызнув изо рта водой.

— Подростка, что ли, приведешь?

Кира тоже посмотрела исподлобья, не отрываясь от бутылки с водой.

Она, безусловно, считала себя сильной. А еще крепкой, проворной и смелой. Но это не меняло ее внешности. Рост девушки едва перешагнул отметку метр шестьдесят, а вес не поднимался выше пятидесяти двух со всеми мышцами, что она набрала за последние два года, непрерывно и усиленно тренируясь.

— Будет тебе мужик! Такой мужик, что как бы потом мозги не пришлось по всему залу собирать! — отмахнулся Аркадий.

— Я больше переживаю за зубы, — хихикнула Кира.

— Зубы? Зубыставишь искусственные! — передразнил тренер и пошел к соседнему рингу.

Кира накинула полотенце на шею и приготовилась перелезть через резинки. Почти час на ринге, она вымокла, как мышь в бассейне, но вместе с потом голову покинули дурные мысли, несбывшиеся мечты и злость на самого себя.

— Тебе не нравится бокс по-настоящему. Ты боксируешь не для себя и не для удовольствия. — Вика стер-

ла пот с ее руки, проведя пальцем снизу вверх. — Ты учишься бить. Бить без страха и сомнений.

— Но успехов в этом пока не достигла, если ты слышала Аркадия, — вздохнула Кира. Подруга была права. Не поспоришь.

— Возможно, тебе действительно поможет небольшое сотрясение мозга, — просияла девушка. — Или партнер, которого ты захочешь отлупить.

— Сашенька, голубчик, — всхлипнула она игриво и с придыханием, копируя Анастасию из кинофильма «Гардемарины».

Вика нахмурилась.

Этот мальчик вызывал в Кире целую бурю эмоций. Мужчиной его не поворачивался назвать язык. Владелец абсолютно ангельской, иконописной, внешности. Белокурые волосы, которые вились бы локонами, если бы он не стригся коротко, ясные голубые и бездонные глаза, ровный носик, по-детски пухлые губы. Но главное, спокойный, безмятежный взгляд, неторопливые движения, бесконечное терпение и снисхождение в глубине слегка смеющихся глаз. В нем жил ангел и дьявол одновременно. Это чудо мужского пола преподавало направление «лес». Такая разновидность рукопашного боя и специальной подготовки, после которой человека можно смело выпускать в зимний лес в одних трусах. И он не просто выживет и не заблудится, а еще подручными средствами, изготовленными из попавшейся по пути березы, положит вооруженную роту солдат в полной амуниции.

Кира однажды застала бой Сашеньки с каким-то там его бывшим сослуживцем и поняла: удивительно, но, оказывается, есть на свете мужчина, на которого она готова глядеть восторженно-преданным взором,

для кого будет рожать и воспитывать детей и беззаветно служить кухаркой и уборщицей.

Поняла, почему он никогда не красуется в спаррингах, не демонстрирует боевого мастерства и только словами объясняет, что и как делать. Перед ней порхало смертоносное оружие в облике ангела. Пока палки, которыми орудовали бойцы, мелькали над мужскими головами и под коленками, утыкались в крепкие мускулистые тела и колошматили по плечам, Кира ощущала, как тает и превращается в мягкую массу ее сердце. Чтобы лужа от ее главного жизнетворящего органа не утекла под ноги ненаглядного Сашеньки, она спешно покинула зал и с тех пор старалась обходить юношу стороной. Даже не интересовалась, где у нас такие супербойцы служат, его семейным и социальным статусом. Вздохи и хихиканье издалека — это все, что она себе позволяла.

— Вау! Огонь! — комментировали находящиеся в зале мужики.

Кира и Вика покинули зал. Кира, едва приняв душ, тут же убежала, поняв, что уже опаздывает на свидание к полковнику. Она не видела, как Вика нахмурилась и обиженно прикусила губу, не найдя подружку в раздевалке.

■ Глава 3

Кира нещадно опаздывала. Выехав на Октябрьскую, она не стала кружить по улицам в поисках парковки, а приткнула машину на ближайшем подвернувшемся месте и пошла к дому сто двадцать один пешком.

Только сейчас она подумала, что совсем не позаботилась о том, как хотела бы выглядеть в государствен-

ном учреждении и какое впечатление произвести на полковника Вольцева.

В целом Кира никогда не переживала по поводу своей внешности. Ну, может быть, в школе, из-за маленького роста. В первую очередь ее растили очень умненькой девочкой и только после этого, может быть, хорошенькой.

Она принадлежала к тем несчастным женщинам, набирающим вес от одного запаха шоколада, поэтому уже подростком приучила себя не пихать в рот все, что не приколочено. Занятия спортом воспринимала как данность. Прошла почти все, что только возможно в спорте и танцах: пилатес, йогу, кроссфит, восточные танцы, степ, хотя по-настоящему так ничем и не увлеклась. Зато ее фигурка отличалась изяществом и грациозностью. Над своей внешностью Кира работала осознанно, продуманно, как всякая очень умная женщина. Выбирала оттенок волос со специалистом и остановилась на глубоком гречишно-медовом, не слишком отличающемся от природного, но ярче. Косметикой почти не пользовалась, наращенных ресниц ей хватало, чтобы подчеркнуть глубокий серый цвет глаз и чувствовать себя красавицей. А вот одежду предпочитала яркую, необычно скроенную, асимметричную, обтягивающую все нужное и в то же время балахонистую и развевающуюся.

Лейтенант на пропускном посту хмыкнул, оглядывая ее, пожалуй, слишком экстравагантный и яркий, желто-черный наряд. Широкую юбку-брюки, путаного и сложного кроя, в японском стиле, узкую трикотажную майку, словно корсет, обтягивающую грудь без бюстгальтера. Это она еще сжалась над государственными служащими, застегнула поперечную молнию под грудью и оставила в машине асимметричный

и чудаковатый тренч с капюшоном. Как она и думала, погода сменилась, солнце уже припекло и напомнило, что лето продолжается.

В европейских брендах лейтенанту не полагалось разбираться по определению. Ему полагалось проверять документы и выдавать пропуска. Что он и сделал.

В целом Кира опоздала на три минуты и решила не расстраиваться по этому поводу.

Седой, с насмешливым, проницательным серым взором мужчина в форме полковника полиции встал из-за стола ей навстречу. Он будто сошел с экрана телевизора. Во всяком случае, именно такими Кира представляла крутых следователей из разряда «Следствие ведут знатоки» времен Советского Союза. Кира едва доставала мужчине до плеча и рядом с его подтянутой, невзирая на возраст, за пятьдесят точно было, брутальной фигурой почувствовала себя дюймовочкой.

— Рад, что вы нашли время заехать к нам, — приветствовал он.

— Точно. Я только заехала, еще ни на что не согласилась, — напомнила Кира.

— Надеюсь, что согласитесь, — лукаво улыбнулся полковник.

Кира не готовилась к разговору, хотя с порога собиралась напомнить, что ее не только вышвырнули словно беспородного кутенка из их пресловутых «органов», но и чуть не убили. И никто не посмотрел на то, что она «самый лучший специалист» в своей области. Но, во-первых, время качать права уже прошло и стало как-то неинтересно это делать. А во-вторых, она расположилась в кресле напротив большого надежного человека, который производил впечатление, что знает намного больше, чем говорит, и почув-

ствовала себя уютно и спокойно. Почти забыла, зачем пришла.

— Три дня назад одна из туристок Российской Федерации, Марина Алексеевна Филимонова, учительница биологии, тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения, зарегистрированная и проживающая в городе Воронеже и находящаяся на отдыхе в поселке Лазаревское, въехала в Абхазию в составе туристической группы. Пересекали границу на автобусе тридцать два человека, господи прости, — вздохнул полковник. — Что за черт их всех в эту Абхазию несет. Успели посетить озеро Рицу, какие-то там торговые точки, затем пересели на джипы. — Здесь Дмитрий Юрьевич закатил глаза.

Кира видела эти джипы, старые раздолбанные «уазики», переделанные умельцами для езды по бездорожью.

— Джипы поехали на Гегский водопад. После посещения водопада Марина Филимонова пропала. Три дня ее искали местные. И вот река Юпшара вынесла труп женщины. Изначальная версия была таковой: она самовольно отбилась от группы, полезла в горы для... для... ну, фотографий самой себя... — Полковник злился не на забытое чудное слово, скорее на абсурд этой самой версии смерти.

— Селфи, — подсказала Кира. Вольцев рассказывал печальную историю, но ей почему-то очень хотелось ему улыбаться. Она и улыбалась, все время себя одергивая.

— Да, хотела сделать крутое селфи, поскользнулась, упала куда-то в ущелье, наверное, сразу убилась, а может быть, и позже умерла. Эксперты по этому поводу еще ничего не сказали. В общем, прошли дожди, реки поднялись, и труп наконец-то вынесло. Его доставили в наш морг.

— Довольно распространенная история, — пожалела плечами Кира. — Если убрать влияние природных стихий. Сейчас ради фоточки люди готовы рискнуть многим.

— А вот и фоточки. — Полковник достал из папки стопку карточек и протянул Кире. — Зрелище не самое приятное, предупреждаю.

Кира трупы и в реальности видела, не на фото, но собрала все свое самообладание, чтобы не показаться полковнику слишком чувствительной особой.

Перед Кирой предстало покореженное женское тело, с неестественно согнутыми конечностями и вывернутой головой, распластанное на покрытом крупной галькой берегу горной реки. Падение в ущелье, путешествие по порогам и устьям реки могло легко поломать и потрепать тело, но оставить другие раны, которые были явственно видны на фото, вряд ли сумело бы.

Лицо и тело женщины было истыкано острым предметом. В предплечье, ключице, щеке все еще торчали короткие деревянные палочки-веточки, воткнутые так глубоко, что не выскочили из тела даже после нахождения в реке. Кроме того, труп расчерчивали линии, сделанные бритвой или ножом от макушки до пяток, — волнистые порезы, вывернутые наружу на разбухшем от пребывания в воде теле. Кира не удержалась и поморщилась. Полковник ничего не сказал. Кроме того, у Марины Филимоновой были неровно острижены волосы, клочками, кое-где до содранной кожи.

— То есть вы хотите сказать, что Марина Алексеевна полезла делать селфи, упала в ущелье и выплыла голой, истыканной заточкой, лысой и порезанной ножом? Вам бы фэнтези писать! — За недоброй ухмылкой Кира хотела скрыть злость.

— Мы-то в основном протоколы и отчеты пишем, поэтому делать выводы я пригласил вас, — не повелся на провокацию полковник.

— Над созданием такого вида у трупа явно поработали не только ущелье, дождь и река, — заключила Кира.

— Вот и местным пришлось признать, что на неудачное селфи никак не свалишь, — с хмурым видом согласился Вольцев. — Тело доставили к нам. Расследование ведем тоже мы.

Кира кивнула. Что от нее хотел полковник уголовного розыска, она пока не понимала.

— Есть у меня старая советская привычка, Кира Даниловна. Я всегда смотрю сводки и отчеты. Не пропускаю. Даже если дела не криминальные и не уголовные, и даже если вообще не были возбуждены дела. Я просматриваю статистику. В нашем деле очень хорошую роль играет «насмотренность». Странное выражение, согласен. Но точнее не выразиться.

Кира внимательно слушала. И прекрасно отдавала себе отчет, что попала под обаяние этого прожженного следователя, несмотря на смену государственного строя и ценностей, по-прежнему считавшего себя стражем на посту. Защитником, охранявшим мирных граждан от преступников.

— С полгода назад случилось в нашем городе происшествие. Женщина бросилась в реку. Сочли самоубийством, дело закрыли. Вот оно-то мне и вспомнилось в связи с этими фотографиями. — Он протянул Кире еще одну стопку карточек. — Наталья Андреевна Веденева, тридцать пять лет, не замужем, проживает в Краснодаре.

Кира взглянула и покачала головой:

— Самоубийство? Seriously?

На фотографиях снова был запечатлен труп утопленницы. Раздутый и посиневший. Вроде ничего особенного. Но Кира уже видела фото первой жертвы, после них в глаза бросались колотые раны на лице и по всему телу. Раны, кстати, очень необычной формы. Кира вытащила фотографию из первой пачки и, прищурившись, взгляделась еще раз. Интересно. Раны были нанесены оружием с оригинальным сечением. Половина круглая, просто пика, а вторая половина состояла из трех острых лучей. След от него был похож на солнышко, нарисованное детской рукой. Как при подобных травмах можно дать заключение, что произошло самоубийство?

— Там молодой человек рассказал, что самоубийца имела склонность к нанесению себе... не увечий, ну, отметин. И с ножиком ловко обращалась, — предугадал полковник возмущение собеседницы.

Вольцев достал из ящика своего стола третью папку. Кира закатила глаза и грубо рассмеялась:

— Как я погляжу, у вас тут девок режут не по-детски! А вы только об этом догадались.

— К сожалению, да, — в голосе полковника не было ни раздражения, ни укора, только сожаление.

— Три месяца назад Ольга Сергеевна Агафонова, тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения, проживающая в Республике Адыгее, отправилась после работы к подруге в гости, тоже проживающей в Адыгее. Где-то по пути исчезла, искали три дня, потом нашли труп в горах. Дело не раскрыто. Есть кое-какие протоколы опросов. Но дело вели в Адыгее, я его сейчас-то нашел случайно. Другу позвонил.

Кира просматривала фотографии. Колотые раны, порезы, волосы на месте.

— И что решили тогда?

— Решили, что ее пытали, хотели узнать код от банковской карты.

— И много там денег было, на банковской карте? — поинтересовалась Кира безликим тоном, по смущению Дмитрия Юрьевича, понимая, что ответ окажется глупым и смешным.

— Ползарплаты.

— О! Тысяч двадцать?

— Шестнадцать.

— Только из этого можно предположить психологические отклонения у преступника, — закатила глаза девушка. — Но вы не догадались?

Кира, как никто, знала, что в нашей стране маньяков не любят. Понятно, что их никто не любит и боится, явление это пугающее и антисоциальное. Но «не любят» в данном случае — не желают признавать, что они существуют. Что совершают убийства и являются психопатами, которых невозможно понять и спрогнозировать их действия. А значит, ловить будет не просто.

Когда речь идет о маньяке, каждое новое преступление, каждая очередная жертва ложится грузом вины на плечи тех, кто расследует эти убийства. Потому что это они не успели остановить злодея до того, как он совершил новое преступление. До того как убил. Чтобы поймать преступника, нужно сработать на опережение. По сути, предотвратить следующее преступление. А полиция так не работает. Не умеет. Полиция приезжает на место преступления уже после того, когда страшное случилось. Все закончилось, и ничем помочь нельзя.

Расследование? Конечно, проведем, отыщем виновного. А то, что жертве уже все равно, ну так что ж с этим поделать. Ну кто ж знал, что произойдет убий-

ство? А вот в случае действий серийного убийцы — знали. Знали, но не остановили. Не помогли. Виновны.

Кира положила большую часть своей жизни на то, чтобы научиться в несущественных на первый взгляд поступках, действиях, в едва уловимых намеках угадывать преступника. Определять того, кто способен убивать. Угадывать в человеке убийцу еще тогда, когда он сам не знает, что встал на кривую дорожку злодеяний.

— Нет, не догадались, — признал полковник. — А теперь у нас три убийства, очевидно, совершенные человеком с психическими отклонениями. Сложность в том, что два из них совершены давно. Об уликах, следах и прочих следственных мероприятиях речь уже не идет. В общем, мы нуждаемся в специалисте вашего профиля.

— Специaliste по маньякам? — хихикнула Кира, вспомнив, как ее называли в интернете и прессе после того скандала.

— Специaliste по психопатологии, — уточнил Вольцев. — Лучшем специалисте. Потому что без вас, как мне подсказывает мое чутье, а оно меня никогда не подводило, мы убийцу не найдем. Искать будем долго, — поправился Вольцев, не желая демонстрировать уж совсем свою беспомощность. — А женские трупы будут еще. В этом я уверен.

Кира молчала. И Вольцев заговорил снова:

— Я понимаю, что после всего, что с вами произошло, у вас нет никакого желания сотрудничать с МВД, ФСБ и нашим государством вообще. Я понимаю, что деньгами вас не заманить. Американский и, кажется, шведский журналы и еще телепередача оценили ваши знания по достоинству, в отличие от соотечественников. Вы ведете интересную и весьма благополучную жизнь.

— Вы хорошо осведомлены, — сухо заметила Кира. Она действительно сотрудничала с двумя изданиями на постоянной основе. Писала статьи по психологии. В американский «Анандетифайд психолоджи обджект», «Неопознанный психологический объект», и французский журнал «Психолоджи профисьонель». Была консультантом в телевизионной передаче, идущей в Норвегии и занимающейся решением психологических проблем своих граждан, иногда переводила статьи. Оплата работы в валюте иностранных государств позволяла Кире жить с комфортом, занимаясь при этом тем, что она умела делать.

— Я готовился, — с лукавым видом признался полковник. — И про квартиру, доставшуюся в наследство от тетки, тоже знаю.

Девушка улыбнулась. В Москве у нее осталась квартира, Кира сдавала ее через агентство, но в скором времени собиралась продать.

— Поэтому я хочу воззвать к вашей совести, — продолжил Дмитрий Юрьевич.

Кира захохотала в голос. Звонко и заливисто. По-краснела, прослезилась. Полковник улыбался и терпеливо ждал, когда она успокоится. О том, как тяжело ему давалось сохранить спокойствие, девушка не думала. О том, что отдувается Вольцев не за себя, тоже.

— Когда мне говорят про совесть, честь и мораль, я понимаю, сейчас мной будут активно манипулировать и, скорее всего, обманывать, — наконец проговорила Кира. — А на патриотизм у меня и вовсе аллергия.

Полковник горько улыбнулся:

— Могу тебя понять.

— Да ладно? — Кира зло прищурилась, не замечая, что Дмитрий Юрьевич перешел на «ты». — Где вы все были два года назад, со своим пониманием?

— Очень хорошо понимаю! — полковник повысил голос и встал. — И передачу ту злополучную смотрел раз десять, и дело читал, под грифом «Особо секретно». И права ты была в каждом своем слове. И нет у людей ни стыда, ни совести, раз навалились на девчонку и угробили жизнь. И волосы дыбом у меня вставали, потому что сесть уже нечему, едва я только представил тебя в той могиле...

Кира не мигая смотрела перед собой.

Психология занимала ее всегда. Еще лет в десять она нашла у маминой подруги книжку с психологическими тестами, и вскоре вместо сказок, фантастики и любовных романов все места на книжных полках заняли учебники по психологии.

Двенадцатилетняя девочка спокойно оперировала терминами «шизоидная эмболия» и «обсессия вследствие когнитивного диссонанса», повергая знакомых в шок и панику. Английский и французский она выучила, изучая труды иностранных психологов. Вопросы, куда поступать, не было. Первая в учебе, активная во всех психологических сообществах, форумах, конференциях. Погруженная в науку, она не очень тяжело пережила смерть мамы, тихо умершей от онкологии. Тетка, единственная, кто у нее остался, нашла грант на обучение в Сакраменто, США. Квартира матери ушла на оплату расходов, связанных с обучением, но у Киры было шесть головокружительных лет обучения в Калифорния Стейт Университи. Несколько научных публикаций, опыт публичных выступлений. Казалось, в родной России ее ждет гарантированная головокружительная карьера. Она еще не купила билета на родину, а уже была принята в Центр психологической диагностики центрального управления МВД, на должность психолога, специализирующегося

на психопатологии. Яркая и харизматичная, с хорошо поставленной дикцией и без страха сцены, Кира сразу засверкала на конференциях, телевидении и радио, громко и открыто вещая о профессиональной пригодности исполнительных и правоохранительных служб. А дальше что-то пошло не так. Не то Кира плохо вникла в суть особенностей родственных связей, не то заняла чье-то место, не то просто слишком ярко засияла, вызывая кое у кого зависть. В общем, подставили ее банально и грубо. В прямом эфире предложили анонимно продиагностировать трех человек. Кира с готовностью принялась демонстрировать современные методик исследования и раскопала у всех трех представленных мужчин неконтролируемую агрессию, склонность к жестокости, умственную отсталость, проявление девиаций сексуального и не-сексуального характера и много еще чего.

— Что за маньяков вы мне подсунули? — весело отреагировала Кира на полученные результаты.

— Бойцы особого отряда реагирования «Альфа», — пробубнил явно растерявшийся ведущий.

А дальше пошло-поехало. Скандал в прессе быстро разрастался. «Что за монстры служат в наших “органах”?» — гласили самые невинные заголовки.

Трех бойцов уволили, и Киру тоже. И если Кира переживала личную драму в одиночестве — от нее как от зачумленной собаки сразу же стали шараться все друзья и коллеги, — то бойцы отряда «Альфа» подобной участи избежали. Более того, за них нашлось кому заступится. Один оказался сыном губернатора, второй племянником депутата, третий тоже кем-то непростым, она уже не помнила кем. Ждать, когда скандал уляжется и все в их жизни снова вернется в привычное русло, брутальные ребята не хотели. Употребив прилич-

ное количество горячительных напитков под маркой «Джек Дэниэлс», они пришли к выводу, что корень всех их зол Кира Вергасова и зло это требует немедленной расправы... В полном снаряжении и с оружием. Кто-то еще верит, что в нашей стране его тяжело достать? Они ворвались к девушке в квартиру, избили, связали и уволокли в ближайшую лесную посадку. Под прицелом автомата и двух пистолетов они заставили Киру копать себе могилу. У трясущейся от страха и паники, израненной, истекающей кровью девушки копать получалось плохо. Ребята оказались заботливые, помогли.

Время близилось к утру, когда Кира, получив удар по затылку и между лопаток, рухнула в яму. Добры молодцы, воодушевленные ловко обтяпанным дельцем, закопали девчонку, не проверив, осталась ли она в живых. Только когда закопали, вспомнили умственно отсталым умом, что глубина могилы на кладбище два метра, а у них этот параметр не дотягивал, поэтому привалили свежезакопанную яму стволом лежащего неподалеку дерева.

Кире «несказанно повезло», как поведал ей следователь, навестивший ее в больнице. Соседка по подъезду вышла выгулять собаку, жизнерадостного корги Фокса, на два часа раньше обычного. Псина обожала Киру, никогда не обходившую собаку лаской, то почесывая, то потрепывая ее, а то и давая что-нибудь вкусненькое. Фокс учуял любимицу и с остервенением принялся раскапывать, рассчитывая получить от Киры очередную порцию ласки. Хозяйка разодрала руки поводком, отгаскивая Фокса, но пес ни в какую не желал покидать место преступления, визжал, лаял, кусал хозяйку.

Кира очнулась в кромешной темноте, еще не осознав, где находится, почувствовала, как задыхается.

Земля проникла в нос и рот. Она кашляла, плевалась, вертела головой. Осознание того, что она в могиле, ошеломило. Девушка запаниковала, умирая от страха. Ее трясло в ознобе, не хватало воздуха, душили слезы. Даже после она так и не поняла, как у нее хватило сил совладать с собой, но она не сдалась, осмыслив, что если она хоть что-то сейчас не сделает, то умрет.

Могила была неглубокой, а соответственно, и слой земли, которым закидали жертву, оказался не очень тяжелым. Кира умудрилась подтянуть к голове руку, утрамбовать землю перед лицом и, собрав все силы, — заорать, позвать на помощь. Ей казалось, что кричала она оглушительно, вопль долго стоял в ушах и погрузил девушку в беспамятство. Но снаружи слышался едва различимый писк, которому вторил корги Фокс, а за ним и понабежавшие со всей округи псы. Собачники раскопали Киру, вызвали «Скорую» и полицию.

— Да тебя даже не изнасиловали! — увещевал ее следователь, убеждая не давать делу ход, не скандалить и помалкивать.

— Не встал бы, — отвернулась от него Кира. — Пьяные в задницу были.

— Ну, пошутили неудачно ребята. Все обошлось.

Кира его почти не слышала. Больше всего она хотела, чтобы он ушел.

— Ты ничего не докажешь и ничего не добьешься. Знаешь, кто у них родители? Вот, кстати, это тебе. Компенсация за моральный ущерб, — он положил на тумбочку плотный конверт.

Кира не стала считать деньги, предназначенные ей за «моральный ущерб». Написала на конверте: «Вы их вырастили. Вы покрываете. Вы будете следующими, кого они закопают живьем». Она отправила конверт в штаб депутата, отца одного из ее палачей.

Выйдя из больницы, она хорошо понимала, что жизни в Москве, и тем более работы в госслужбе, у нее больше не будет. Сначала она планировала уехать в Калифорнию, у нее имелось образование, свободный язык, были друзья оттуда, готовые помогать. Но пандемия внесла коррективы в эти планы. Кира решила уехать в Краснодар, наслаждаться теплом, выстроить новую жизнь и дожидаться других возможностей.

И теперь представитель той самой системы, которая растоптала ее, чуть не убила и спихнула на обочину, пытается воззвать к ее совести и морали.

— Кто-то другой бы сдох в той могиле, — продолжал полковник Вольцев, сверля ее взглядом. Казалось, он старался проникнуть в глубь ее мозга, в центр мыслей, и донести напрямую, как она нужна ему и важна. — Просто от страха и паники бы сдох, поняв, где находится. А ты выбралась. И не сломалась, не спилась, не наложила на себя руки. Жива, здорова, красива и живешь интересной жизнью. Даже профессионально продолжаешь развиваться. Потому что ты сильная. Потому что у тебя есть внутренний стержень. А еще знания и навыки, с помощью которых ты можешь вытащить саму себя из любой жо... ситуации. — Полковник помолчал, несколько раз тяжело вздохнул, успокаиваясь.

Как-то безразлично Кира отметила, что у него трясутся губы. Волнение? Скорее возмущение и злость. Неужели на ее обидчиков? Или просто негодование, что система раскидывается знающими кадрами? Полковник продолжил:

— А у женщин, которых убивают, этого нет. Не мне тебе рассказывать, что серийный убийца всегда выбирает жертву среди тех, кто слаб, не может дать от-

пор, имеет психику жертвы, несчастного человека. Их некому защищать. Убийства будут продолжаться. Мы должны найти убийцу до того, как он убьет снова.

Кира подняла на него взгляд. Полковник едва заметно кивнул и выдохнул.

«Решил, что достучался», — поняла Кира.

— Даже ты не можешь вытащить этих трех женщин из могилы. — Он кивнул на папки, разложенные на его столе. — Но ты можешь помочь не уложить туда других.

Кира кивала. Словно сомнамбула. У нее вдруг разболелась голова. Она понимала, что решение у нее уже есть, и злилась на себя за это.

— Я возьму тебя внештатным сотрудником, с окладом специалиста высшей категории, выпишу премию, с отчислениями...

Кира вымученно улыбнулась. Дмитрий Юрьевич тоже.

— Ну а как? Соцгарантии государственной службы. У тебя будет свободный график. Никто не будет нарушать уклад твоей жизни. Ну и я гарантирую тебе безопасность. Лично. Кого бы мы ни откопали.

— Я подумаю, — уклончиво сказала Кира.

— До вечера, — согласился полковник после паузы.

— Здоров! — услышала Кира низкий, с хрипотцой голос, после того как скрипнула дверь.

На девушку пахнуло смесью запахов бензина, кожи хорошей выделки и едва уловимого дорогого мужского парфюма.

— А стучаться тебя не учили? — невозмутимо уточнил Вольцев.

— Так ты сам назначил время. Значит, ждешь.

На Киру уставились наглые синие глаза. Их обладатель, казалось, пронзил ее ими насквозь, раздел, раз-

глядел всю в подробностях и хихикнул над уточкой на ее трусиках.

Кира опустила взгляд долу и медленно подняла его на мужчину снова, постепенно разглядывая незнакомца. Его тяжелые байкерские ботинки, кожаные штаны с хорошей защитой, косуху, обшитую лейблами байкерских клубов. Ровное загорелое лицо с квадратным подбородком, нос правильной формы и снова эти наглые глаза. На лицо падала волнистая прядь, выбившаяся из перевязанного резинкой хвоста волос. Кира нацепила на лицо легкую улыбку и смело уставилась на незнакомца.

— Знакомьтесь, подполковник МВД Григорий Сергеевич Самбуров, — представил мужчину Дмитрий Юрьевич. — Он непосредственно ведет эти дела. Сотрудничать вам предстоит с ним.

Кира едва удержала ползущие на лоб глаза. Подполковники МВД у нас могут выглядеть так?

— А это та самая Кира Даниловна Вергасова, которую я уговариваю присоединиться к расследованию дела.

— Очень-очень рад! — подполковник в байкерской косухе восхищенно распахнул глаза и поиграл бровями.

Кира развернулась к Вольцеву и, ухмыляясь, уточнила:

— А это последний бонус, чтобы я согласилась?

— Как захочешь, — в тон ей ответил Вольцев, от его пронизательных глаз разошлись лучики, он смеялся. — Можешь даже растерзать его, если это доставит тебе удовольствие, желание-то его прибить и у меня бывает. Но после дела.

— Я позвоню, — кивнула Кира и вышла из кабинета.

■ Глава 4

Попасть в здание Управления МВД оказалось проще, чем оттуда выйти. Мальчик в погонах на входе не то слишком вошел в роль проверяющего дежурного и проникся властью, не то просто решил пофлиртовать с Кирой. Вот только Кира пребывала не в подходящем для этого настроении.

— Вы родились в Москве? Двадцать седьмого июля? А по какому адресу зарегистрированы? — посыпались на Киру вопросы. Лицо демонстрировало такую сосредоточенность, что хотелось пощелкать пальцами перед носом. «Ау! Вы дома?»

— У вас мой паспорт в руках, — напонила Кира. — Там есть ответы на эти вопросы.

— У меня есть подозрение, что это не ваш паспорт, — все так же серьезно сообщил мальчик. — Отвечайте, пожалуйста.

У Киры возникли сомнения в его адекватности, но она по опыту знала, что шутки со служителями закона младших чинов могут выйти боком.

— Вы не похожи на себя. Делали пластическую операцию? — продолжал бесноваться лейтенант.

— Занимаюсь фейсфитнесом, — так же серьезно сообщила Кира. — Это гимнастика для лица, мышцы, как на теле, накачать можно, ну вот черты лица, наверное, немножко изменились. Наверное, перекачала.

— Я рекомендую поменять вам паспорт по причине сильного изменения внешности.

— Непременно воспользуюсь советом, — сквозь зубы процедила Кира. — Вот прям отсюда в паспортный стол и отправлюсь.

— Могу вас проводить, как я погляжу, вы не местная...

В окошко просунулась рука в черном кожаном рукаве, выдернула у лейтенанта паспорт Киры, и знакомый голос за ее спиной равнодушно произнес:

— Болван ты, Школьников. Дальше уже вылетать некуда, в патрульные пойдешь.

Григорий Самбуров вернул Кире паспорт и развернул девушку к выходу.

— Уже думала, буду коротать ночь в подвалах уголовного розыска, — вместо благодарности хихикнула Кира.

— Здесь нет подвала, — отозвался Григорий. — Гараж там.

Его автотранспорт стоял почти на крыльце управления. Всем входящим и выходящим приходилось его огибать, чтобы не задеть. По всей видимости, доставляемые транспортом Самбурова неудобства самого подполковника в байкерской косухе не беспокоили. Кира сложила губы трубочкой и вскинула брови. Не то удивленно, не то восхищенно. «Харлей-Дэвидсон Род Кинг». Она ничего не понимала в мотоциклах, но по внешнему виду аппарата сразу поняла — круто и очень дорого.

На крыльце и с обеих сторон перил стояли люди в форме. Разговаривали, кого-то встречали, звонили. Никто не возбуждался по поводу перегородившего проход мотозверя. Значит, обыденное явление.

— Поехали, — Григорий протянул Кире шлем.

— Куда? — оторопела она.

— Посмотрим тело Марины Филимоновой. Ее привезли к судмедэкспертам. Улики заберем. Поговорим. — Григорий Самбуров самозабвенно изображал заинтересованность делом, и Кира почти ему повери-

ла, если бы не заметила пристальный взгляд, направленный куда-то в область ее груди.

Девушка прикусила губу. С одной стороны, она еще не дала согласия на предложение Вольцева. С другой — уже решила, что согласится. Ну и «Харлей»! Ну как упустить такую возможность, чтобы не прокатиться с ветерком? Самбуров сверлил ее наглым взглядом своих синих глаз, не прочитав в котором вызов мог бы разве что слепой.

— Я на машине, — неуверенно сопротивлялась она.

— По пробкам будешь тащиться до вечера, — хмыкнул он.

Кира взяла шлем, дернув уголком губ.

Габариты «Харлея» не позволяли настолько проворно пролезать между рядами машин, насколько это могли делать мопеды и прочая мелочь, во всяком случае Кира так думала, до того как села в седло за Григорием. Самбуров вел нагло, вальяжно, уверенно. Казалось, не он протискивался между рядов автомобилей, а машины перед ним расступались.

Девушка села максимально далеко от мужчины, буквально впечатавшись в спинку, но все равно близость его тела, запах и некое странное положение, в каком она оказалась, несколько лишили ее ощущения реальности.

Не такого ли рыцаря на белом, в данном случае синем-металлическом, коне ждут все романтические особы современности? Приедет. Увезет. О том, что везут ее в морг, она старалась не думать.

Там ощущение реальности быстро вернулось. Гнетущая атмосфера — какая-то разнузданность людей, которые, по сути, служители медицины, но уже никуда не спешат, никого не спасают, работают с теми, кому торопиться некуда, — и убойный запах хлорки с фор-

малином тяжким грузом придавили к земле. Девушка ощутила, как голова сама втянулась в плечи, а двигаться она стала медленнее и осторожнее.

Она подавила желание достать бумажный платок, чтобы уткнуться в него носом, и уверенно пошла за Самбуровым, стараясь особенно не пялиться по сторонам.

— Надеюсь, от вида трупов ты в обморок не упадешь? — обеспокоился он перед высокими металлическими дверями.

— До этого не случалось, — спокойно отозвалась Кира.

То, что до этого она их видела не так уж и много, тем более изуродованных, она уточнить забыла.

Кира готовилась к тому, что зрелище окажется тяжелым, отвратительным и невыносимым. Молилась про себя, чтобы ее не вырвало. Вообще, не понимала, зачем поперлась смотреть на трупы. Она не эксперт, не полицейский, трупы не ее специальность. Запала на мужика? Желает выпендриться? Просто суперромантическая обстановка для флирта. Вот как она в это вляпалась?

Самбуров придержал для нее металлическую дверь, распахивающуюся в обе стороны. Она старалась не цокать каблуками, хотя пациентов этих близких покоев уже нельзя побеспокоить. Царство нержавеющей, зеленой клеенки и плитки непонятного оттенка. Кира прошла мимо каталки, к счастью, пустой. Холодно. По коже бегали мурашки, того гляди ее пробьет крупная дрожь. Она дышала медленно, чуть ли не через раз, лишь бы не ощущать стоявший в морге запах. Еще изо всех сил старалась, чтобы в поле ее зрения не попали склянки, шланги, инструменты. Они остановились возле стола из нержавеющей стали. Санитар с маской под подбородком, с безразличным видом жуо-

щий зубочистку, снял синтетическую простыню с тела. Кира медленно перевела взгляд на труп, краем глаза уловив, что Григорий смотрит на нее.

— Я не упаду в обморок, не переживай, — сообщила она не поворачиваясь. Хотелось надеяться, что голос ее прозвучал спокойно и уверенно.

— Хорошо, — отозвался мужчина.

— Ну чего... вот привезли. Пока оформляют. Вскрытия еще не было. Будет отчет, пришем, — бормотал санитар.

Кира не отрываясь смотрела на тело. Ее не мутило и не тошнило, не накрывало жалостью или печалью. Она ничего не ощущала.

В том, что она перед собой видела, и человека-то опознать сразу не получилось. Непонятная биомасса, похожая на гору мусора, закатанного в воск. Но чем дольше Кира смотрела на труп, тем четче проступали детали. Порезы вывернулись и напоминали ствол большого дерева с грубой корой, дырки на лице и теле с темными ободками, распухшее лицо. Волосы, выдранные с корнем и обрезанные клочками. Кира вдруг поняла, что злится. Что за чудовище могло сотворить такое? То есть живое существо сидело и ковыряло себе подобного. Резало бритвой и наблюдало, что от его деяний происходит с человеческим телом. Изучающе разглядывало кровь, сочившуюся из ран, наслаждалось муками, которые причиняет. Что за извращенная психика желала подобного удовольствия?

Кира специализировалась на расстройствах личности, на жестокости, на склонности к садизму и прочих прелестях психопатов, но вот так, живьем, она никогда не видела результатов действий человека с искаженной психикой. Она наблюдала, беседовала, диагностировала. Теория. Фотографии. Видео.

Кира осознала, что все методы работы, исследования, анализ, тесты, они абстрактны. Пока не увидишь воочию, сложно представить, на что способно человеческое существо. Психологию тяжело оценить как точную науку. Что-то там изучают по схемам, ощущениям и предположениям. Не конкретно, не понятно, не доказательно и не определено. Глядя на истерзанное человеческое тело, чувство реальности давило, как асфальтный каток.

Кира как-то отстраненно подумала, что чудовище не только то существо, что сотворило это, но и все общество, что растит подобных уродов. Изначально ребенок рождается нормальным, без психических отклонений, без садистских наклонностей, без жажды убивать. И уже после родители, братья и сестры, сверстники, детский сад, школа, социум влияют на него таким образом, что он становится больным извергом. Садистом, убийцей, насильником, маньяком. Даже звери, которых люди очень любят приводить как пример жестокости, кровожадности и свирепости, не ведут себя так. Да, животные охотятся друг за другом, поедают, утоляя голод. Но животные не дырявят зубами себе подобного из желания доказать что-то другим животным, не «зацарапывают» до смерти из больного любопытства, как поведет себя жертва, не тыкают клыками, изучая болевой порог. А было бы понятно, если убийца убил свою жертву из-за того, что был голодным и съел ее?

Кира хихикнула. На нее тут же удивленно и ошарашенно уставились Самбуров и санитар.

Девушка умолкла и опустила взор в пол. Господи, куда она катится? Каннибализм — тоже психическое отклонение и преступление в их обществе.

— Она была голой? — поинтересовалась Кира, чтобы сгладить неловкость.

— В майке, порезанной и разодранной, — безучастно ответил санитар. — И там, в коробке с уликами, кофта какая-то есть.

Григорий направился к выходу, пропустил Киру вперед. Металлическая дверь чавкнула вслед резинкой ограничителя. У Киры вдруг появилось отчетливое желание уйти. Не связываться в это дело. Она никому ничего не должна. Как специалиста по убийцам и маньякам ее выкинули из системы. Она не обязана этим заниматься. Дома ее ждали недописанная статья и интервью с американским светилом психологии. Вот зачем ей все это?

— Ну, что скажешь? — По интонациям Григорий явно ожидал, что она сразу же начнет вещать об отличительных чертах характера убийцы.

— А что сказать? — удивилась Кира. — Убийца с психическими отклонениями. Проколы сделаны специфическим орудием, скорее всего самодельным.

Кира в очередной раз тоскливо подумала, что взгляд у Григория умопомрачительный. Теперь подобное с ней случалось при каждом его взгляде — ум помрачался. А в морг она поехала зря. Чувствовала себя отвратительно.

— Ну, это понятно, нормальный человек просто прирежет или задушит, стричь волосы и тыкать ничем не будет.

— Угу, — кивнула Кира, поглядывая на коридор, ведущий к выходу.

Они опять зашли в какую-то комнату. Обычное офисное помещение, заставленное столами, шкафами и тумбочками. Григорий продемонстрировал удостоверение. Девушка с зализанным хвостом из черных волос и в широких черных брюках подхватила, радостно и пылко воззрилась на подполковника и облизнула губы.

— Привет, Вера, — небрежно буркнул Самбуров.

— Вас жду, на экспертизу еще не унесла, — томно сообщила девушка, будто вещала об их совместной ночи любви.

Кира не сомневалась, Верочка готова выскочить за подполковника замуж, рожать ему детей, стирать, убирать, каждый вечер ставить перед ним тарелку с едой и преданно смотреть в глаза. Именно так она понимала женский подвиг ради мужчины. Ну или хотя бы отдаться. Можно прямо здесь. Девушка вдруг заметила спутницу с мужчиной своей мечты и часто заморгала.

— Давайте, Верочка, показывайте, что там, — расплылся в лучистой, снисходительной улыбке Самбуров, и Кире захотелось его пнуть.

И даже не за то, что он, по всей видимости, привык, что все женщины в возрасте от семнадцати до девятности смотрели на него влюбленными глазами и готовы были отдаться при первом намеке на интимную близость. И даже не за то, что и она попала в их число. А за то, что он абсолютно спокойно, как должным этим пользовался.

Впрочем, бесцеремонно, свободно и раскованно, будто и не в полиции работал, Григорий себя вел не потому, что пользовался успехом у женщин. Здесь еще что-то. Байк, длинные волосы, отсутствие формы. Что в нем такого особенного? Почему у него столько предпочтений? Кто-то из родственников в высших чинах служит в полиции? Отец, души не чаящий в ненаглядном чаде и возлагающий на него большие надежды? Тетка, поместившая его на психологическое место своего мужчины?

Улик по убийству оказалось не так уж и много. Три палочки, вывалившиеся из дырок на теле жертвы при

перевозке, майка, которую уже упоминал санитар, и кофта.

Надев одноразовые перчатки, Григорий вытащил светло-голубой кардиган необычного кроя, с длинным широким поясом, повертел, не сразу сообразив, где верх.

— Это нашли рядом с телом. Есть, конечно, вероятность, что к телу, и вообще к убийству, кофта не имеет отношения. Кто-то посторонний потерял или ветром сдуло и водой вынесло, как и тело. А возможно, и наш предмет. — Подполковник объяснял это Кире, но как любая женщина, претендующая на полное внимание интересующего ее объекта, Верочка все воспринимала исключительно на свой счет.

— Она мокрая была, подсохла, — уточнила она, глядя на предмет обожания все тем же влюбленным взглядом преданной хозяйину собаки.

Самбуров на мгновение взглянул на Верочку, будто удивился ее присутствию.

— Если эта кофта относится к трупу, то, можно сказать, повезло. — Кира старалась не смотреть в чарующие глаза подполковника. Вот с этого взгляда все и началось. Она осторожно дотронулась до ярлычка на кофте. — «Тахири». Японский бренд, очень стильной и особенной одежды. Практически эксклюзив. В России нет ни представительства, ни бутика, даже заказать доставкой нельзя, только через Штаты или Европу. Ну или купить там.

— Ничего особенного на вид, — поджала губы Верочка. — Ну, кофта и кофта.

— Материал особенный, натуральный полностью, при этом изготовлен по особенной технологии, не мнется, не вытягивается, шелковистый и мягкий, подстраивается под температуру тела и погоды. Ну

и крой. Асимметрия. Прямая демонстрация своей неправильности, особенности. Не каждая женщина осмелится подобное надеть.

Верочка хмыкнула.

— Круто! — Григорий искренне восхищался Кирой. — Это очень ценное наблюдение. Никто бы из наших спецов внимания не обратил. А подделки быть не может?

— Нет, это настолько эксклюзивный бренд, что его нет смысла подделывать, он не так уж и известен, — отозвалась Кира. — Учительнице из Воронежа он точно не по карману, так что кофта вряд ли самой Марии Филимоновой.

Она никак не могла отогнать от себя угнетающего наваждения морга, и это раздражало ее. В конце концов, она очень долго боролась за право делать только то, что хочет, в мелочах и по-крупному. Сбрасывать звонок, когда не хочет разговаривать или звонят маркетологи, у которых не должно быть ее телефона. Не общаться с тем, кто для нее токсичен. Закрывать книгу, которая не зашла. Уходить оттуда, где ей некомфортно.

Кира кивнула и пошла к выходу.

— На экспертизу отправляй все... — услышала она распоряжение Самбурова и неразборчивое мяуканье Верочки в ответ.

Он догнал ее уже на ступенях морга. Кира глубоко, полной грудью вдыхала теплый нагретый солнцем воздух, надеясь выгнать из легких запах смерти и хлорки. Конец сентября. Осень совсем не чувствовалась, утренний ветер и влажность после дождя уже сменялись жарой. Яркий свет пробивался сквозь решетку ветвей.

— А по личности убийцы что-то скажешь? — Самбу-ров смотрел на нее на полном серьезе, ожидая от Кире ответа. Казалось, он не заметил ее побега.

— А вы думаете, я взгляну на труп и назову имя убийцы? — Девушка дернула уголком губ, зная, что выражение лица стало насмешливым и циничным.

— Судя по рассказам полковника Вольцева о вас, еще адрес и группу крови, — улыбнулся Григорий.

Кира закатила глаза и засмеялась.

Они спустились по ступеням.

— Маньяк, убивший эту девушку, в детстве страдал энурезом, любил поджигать предметы и мучил животных, сворачивал голову птичкам, отрывал крылья бабочкам, — проговорила Кира деловым тоном и прищурилась, косясь на спутника.

Григорий замер с мотоциклетным шлемом в руках:

— Можно поискать в базе. Психологический портрет собирают на всех преступников. Хотя вряд ли там есть сведения об энурезе. Это же недержание мочи?

— Ага, это писался в постель. — Кира смотрела в упор. — Уверена, подобных сведений ни в одной базе не найти. И ни в одном допросе. Кто ж вам признается, что он дул под себя. Он же крутой убийца, маньяк! Гроза округи! И такое...

Григорий заржал, наконец разглядев, что Кира еле сдерживает улыбку.

— Я ведь на полном серьезе...

— Так и я на полном серьезе, — снисходительно улыбнулась Кира. — Есть такая теория, статистика по серийным, жестоким убийцам. Практически все из них в детстве имели эти особенности — пиромания, живодерство, энурез.

— Да ладно! Значит, по этим признакам еще в детстве можно маньяков отлавливать? — Григория очень веселил разговор.

— Законодательно эта тема не прошла.

— Зря я потащил тебя в морг, — нахмурился Григорий. — Сглупил. Хотел повлиять на твое решение и сразу вовлечь в дело, чтобы согласилась, а получилось только испортить настроение и огорчить.

— Нет, дело не в этом, — вяло отнекивалась Кира. — А в дело вовлекли. Я позвоню Дмитрию Юрьевичу, скажу, что согласна.

— Я очень рад, — действительно обрадовался Григорий. — И он обрадуется.

— Херм? Херм! — Двор морга огласил громогласный возглас. Здоровенный парень с бородой и в кожанке махал Самбурову рукой.

— Херм? Хермонд? Храбрый? — прищурилась Кира. — Бог скандинавской мифологии. Сын Одина. В бою испытывал восторг. Прошел дорогой мертвых.

Григорию стоило немалых усилий, чтобы удержать на месте глаза, ползущие от удивления на лоб.

— И опять же полковник Вольцев оказался прав. Кругозор и знания у тебя энциклопедические.

Парень подошел, они стукнулись кулаками.

— Давно не кажешь носу. Мы в заезд намылились. Будешь?

— Нет. Занят. Не в этот раз.

— Прикольное место для встречи, — хохотнул парень. — Я за свидетельством заезжал. Теща покинула этот мир. — Он уставился на Киру.

— Сочувствую. Кира Вергасова, специалист по психопатологии, — представилась девушка.

Байкер разулыбался, вопреки ожиданиям Кире, по-свойски ткнул Херма локтем в бок, а ей подмигнул:

— Ему точно не помешает специалист. А то в его черепушке такие черти водятся. Там надо порядок навести. — Он толкнул подполковника плечом и снова обратился к Кире: — Если вдруг чего испугаетесь в его голове или совсем запутаетесь в мотодвижках, глушаках и карбюраторах, там у него подобного полно, я готов консультировать.

— Благодарю, но я как-то больше по четырем колесам, — улыбнулась Кира, сделав вид, что не поняла намека. — Вот как раз за мной.

Такси, которое она вызвала, еще когда бежала по коридору, наконец подъехало.

— Я же обещал вернуть тебя обратно. К машине... — Григорий схватил ее за руку.

— А я — пригласить куда-нибудь на ужин, — снова влез в разговор байкер.

— А у меня изменились планы. До свидания, Григорий. — Девушка строго посмотрела на его руку, которой он ее удерживал. Подполковник смутился и отпустил.

Оказавшись в замкнутом пространстве чужой машины и наконец избавившись от угнетающих ощущений и запахов морга, она выдохнула.

Ее подташнивало. Кира поняла, что сейчас упадет в голодный обморок, если срочно что-нибудь не съест. Утром она лишила себя завтрака, потому что не хотела на полный желудок боксировать, потом спешила, не успела поесть, сейчас уже время обеда миновало, организм бунтовал и требовал белков, жиров и даже углеводов.

Первым порывом стало попросить остановить где-то здесь. Уж кафе можно найти везде. Но еще одну поездку в такси она не выдержит. Услугами этого вида транспорта Кира пользовалась крайне редко. Когда совсем не оставалось другого выхода. Более худшим вариантом считала только общественный транспорт. От него она еще и в депрессию впадала.

Пересев в свой «миник», Кира наконец-то ощутила себя в безопасности, свободной, счастливой. Комфорт и спокойствие, обретаемые в личном пространстве, она ощущала в машине, не в квартире. Даже не потому, что машина принадлежала ей, а квартиру она снимала. А, скорее всего, потому что машина давала то самое чувство свободы, без которого она чувствовала себя загнанным зверьком. Села в машину и уехала куда хочешь. Покидала необходимые вещи в багажник — и уехала. Без регистрации, без билетов, без проверки документов, без границ. Кстати, даже границы государств легко преодолевались на авто. Именно на машине она бежала из Москвы. На машине загнанный зверек уходил из окружения флажками. Тогда она впервые приобрела это чувство свободы, с которым больше не желала расставаться.

А вот квартира оказалась для нее не столь значимой. Хотя растили ее две женщины с советским воспитанием, для которых свое жилье, было чем-то сакральным, показателем успешности жизни, надежности и спокойствия. Ей внушали, что собственная квартира является обязательным атрибутом для достижения человеком счастья. Но Кира не переняла основополагающие принципы жизненной позиции родственниц. Опять же отработавший себя триггер. Съемную квартиру можно покинуть в любой момент, так из Москвы она уехала в один день. Со своей сложнее.

До сих пор девушка не решилась на поездку в столицу, решающую вопрос с продажей.

Сидя в кафе «Бранч», просматривая меню по второму разу и не делая заказа, она поняла, что волнуется. Нервничает. Сообщение полковнику она отправила и даже завтра с утра собиралась явиться за материалами дел. Но еще не определилась, не понимала, в чем будет заключаться ее работа консультанта. Она никак не могла собраться с мыслями.

— Неужели я купилась на мужика? — издевалась Кира над собой, поймав себя на ощущении, что улыбнулась, учув запах мужского парфюма на своей одежде.

— Может быть, вам порекомендовать что-то? — корректно вмешалась официантка в размышления Киры, заметив ее рассеянность.

— Да, какую-нибудь мясоптицу.

— Отлично. Цыпленок на гриле?

— Хорошо.

Кира оглядела зал. Время обеда давно миновало — и гостей в заведении оказалось не много. Ее потерянный взор блуждал по светильникам на стенах, скучающему бармену за стойкой, отметил пестрый коктейль, который принесли девушке за соседним столиком. Мысли метались, перескакивая с одного на другое.

Плотно поев, она отправилась в свое любимое кафе «Диалог», там ей комфортно работалось даже несколько часов кряду. Европейцы пунктуальны, и, однажды опоздав с дедлайном¹, с работой на иностранную

¹ Д е д л а й н (от англ. *deadline* — «мертвая линия») — крайний срок выполнения задачи или работы, определенный момент времени, к которому должна быть достигнута цель или задача.

компанию можно распрощаться навсегда. Невзирая на внезапно нарисовавшуюся странную должность с соцпакетом, терять заказы из журналов она не собиралась.

■ Глава 5

— Сергей Николаевич, мы начинаем через четыре минуты. — Девушка-администратор, с яркой бижутерией и на тонюсеньких каблучках, прикрепила к рубашке мужчины микрофон. — Вы не беспокойтесь, двигайтесь как вам удобно, микрофон хорошо закреплен и фильтрует помехи, а основной звук идет не отсюда.

— Хорошо, — рассеянно кивнул мужчина.

Небольшая современная студия местного телеканала. Это только начало. Еще интервью для газеты и двух каких-то московских журналов. Расспросов он не боялся. Его вообще не смущали каверзные вопросы, уличения, разоблачения. У него все кристально чисто, по-честному. Он переходил в политику. Сергей Николаевич Коламут, депутат Думы Краснодара. Давно к этому шел. Готовился.

В его жизни все прозрачно. Он по-честному делал бизнес, все деньги заработал сам. Начинать еще в девяностые. Тогда вообще все было смутно, опасно и непонятно. Кто как пробивался в жизни, сейчас лучше не вникать. Но и тогда у него все было нормально. Самостоятельно он набивал шишки, наступал на грабли, учился на собственных ошибках. Денег он уже заработал столько, что за всю жизнь потратить не успеет, теперь хотелось совершить что-то значимое для других людей, масштабное и полезное для своего родного

Краснодарского края. Сделать то, что запомнят. У него обширная программа. Реальная. Достижимая. Коламут готов отвечать за каждое свое слово.

Но что-то его беспокоило. Неясное, непонятное, не облакаемое в слова и даже в мысли. Сверлило, как острое маленькое сверло. Вроде не особо болит, но мешает, постоянно напоминает о себе. Взгляд мужчины уткнулся в плакат с собственным изображением. Удачная фотография, на ней он выглядел серьезным, надежным, деловым и ответственным. Таким, каким хотел представляться своим избирателям. Представляться не в значении «казаться», а в значении «быть». Предприимчивый бизнесмен. Честный депутат. Хороший отец, вырастивший достойную дочь. Особенную дочь.

Екатерина Сергеевна Коламут, всего тридцати двух лет от роду, а уже заместитель Международного фонда по защите прав человека со штаб-квартирами в Кёльне и Лондоне. Дочь, которой можно гордиться. Он и гордился. Сейчас. А когда родилась... Какая разница, что он чувствовал тогда. Тогда он потерял жену. Любимую женщину. И остался один с ребенком на руках.

— У вашей девочки гипофизарный нанизм, — объявила ему врач — уставшая женщина в белом халате и в очках. — Учитывая вашу ситуацию... утрату и положение, можем вызвать службу опеки сюда.

Она говорила тихим, спокойным и сухим тоном. Он сразу не понял, о чем речь.

— Зачем службу опеки? — спросил он, не узнавая своего голоса.

— Такого ребенка тяжело растить в обычных условиях. Почти всегда таких детей сдают... э-э передают на воспитание в детский дом. А здесь еще без матери. — Она видела, Сергей Николаевич ее не понимает. Не слышит.

Он вообще ничего не понимал, после того как ему сообщили о смерти любимой Лидочки. Он не осознавал, как такое могло произойти. Не принимал. Казалось, вообще не ожидал, что у него теперь есть ребенок. Какой ребенок? Лиды нет. А ребенок есть?

— Она даун? Девочка? — наконец уточнил он. Взгляд был мутным и пустым. Полное безразличие к тому, что ему ответят.

— Нет, девочка карлик, — уточнила врач. — Все показатели в норме, здорова, дееспособна, мозг в порядке. Карлик.

— Она будет маленького роста? С короткими ножками и ручками?

— Да, — кивнула врач. Она очень ему сочувствовала, он видел это. И безумно жалела, что не смогли спасти Лиду. Она уже ничего не могла сделать. Слишком поздно привезли.

Глупая поездка. На седьмом месяце беременности им приспичило поехать к морю. Лидочке захотелось окунуться в море. Он не умел отказывать жене. Боль, кровь, она не сразу его разбудила. Пока вез по серпантину, пока искали больницу в незнакомом городе. Он уже не чаял получить ребенка.

— К черту ребенка, спасите жену. — Он внес невестомую Лиду на руках в приемный покой.

— Мы всегда спасаем мать, — просто ответила врач.

— Ваша жена скончалась. — Это было следующее, что он услышал от нее же.

Она ему сочувствовала. Наверное, поэтому не сказала, что именно особенности ребенка, непропорционально большая голова и непомерная сила, стали причиной смерти роженицы.

— Из больницы сейчас определить девочку в дом малютки будет проще. Потом сложнее, — только и ска-

зала она. — Если передумаете растить сами. Пожалее-те, что забрали. Потом будет тяжелее.

— Я заберу ее.

Врач оказалась права. Он пожалел, что не сдал ее сразу. А когда узнал о причине смерти Лиды, просто не мог видеть младенца. Красного, вечно орущего, беспокойного. Не хотел находиться с ребенком в одном доме. Не желал знать, что девочка жива. Она не имела права на жизнь.

И он сдал девочку в детский дом. Только называлось это красиво, «Интернат по воспитанию детей с особенностями», в Великобритании. И выглядело крайне достойно. Он дает дочери лучшее воспитание и образование. Не каждому карлику так везет.

Каждый месяц с его счета списывалась внушительная сумма денег, обеспечивающая ему спокойствие, сохранение достоинства и уважение тех, кто знал о его ситуации. Иногда ему присылали фото, на которых маленькая уродливая девочка играла в мячик, гуляла с собачкой, танцевала, смеялась. Он не воспринимал ее как свою дочь. Как их с Лидой плод любви. Ну разве у них мог быть такой плод любви?

Девочка росла, училась, даже приезжала на каникулы домой в Россию. Домой к нему. Он принимал ее как гостью. Важную гостью, которой уделяют много внимания, чьего общества не могут избежать. С удивлением он обнаружил, что она умная, образованная, начитанная. Екатерина Сергеевна Коламут в Британии, где она в основном жила, а потом работала в Международном фонде по защите прав человека, звалась Кэти Кол, ее ценили и уважали коллеги, у нее были поклонники ее силы воли и жизненных ценностей, ее любили друзья, даже молодой человек имелся. Она обещала их познакомить. Сергей Николаевич

отмечал, что ему все интереснее проводить с ней время. Возможно, горе потери утихло. Возможно, Сергей Николаевич смирился с тем, что дочь стала виновником смерти его жены. Он признал дочь такой, как есть. Нет, не смог признать сердцем, не принимал душой, но принял разумом. Он ценил ее. Достойная выросла девочка. Умная, способная и успешная. Он хороший отец. Он все правильно сделал.

Сергей Николаевич повозился в кресле, устраиваясь поудобнее. На экране перед ним шел обратный отсчет последней минуты. Ведущая нацепила дежурную улыбку.

Но та, другая, оказалась не очень. Особенно с точки зрения общественности. Да, буквально полгода назад у него появилась вторая дочь. Вот так вот.

Когда он собрался в Думу, его жизнь стала более открытой. Из нее стали вытаскивать на свет доселе никому не известные обстоятельства. Люди не стали дожидаться феерических подробностей и скандала. Любую, самую невинную и благополучную деталь журналисты и блогеры могли вывернуть как угодно. Сергей Николаевич и целая команда специалистов вытряхивали все сами. В том свете, в котором нужно. Демонстрацию его отцовского долга в том числе.

Кэти по-европейски широко и открыто улыбалась, позировала фотографам, грамотно отвечала на вопросы. Их совместное фото не разместил только ленивый. А потом, на ступеньках офиса, он встретил другую. Довольно неприятную на вид девушку, с плохо покрашенными волосами, в дешевых джинсах не по фигуре, в футболке с чужого плеча. Кэти ухоженная, изысканная, в идеально подобранной для нее одежде, с модной асимметричной стрижкой. Молодая, стильная, ин-

теллигентная женщина. Даже ее особенности не сразу бросаются в глаза. А эта... На него смотрел уродец.

История казалась по сериальному примитивна. Его вторая дочь выросла в чужой семье. Его служба безопасности и нанятый сторонний детектив, которому заплатили тройной гонорар, подтвердили — дочь его. Никаких сомнений. Вот так получилось.

«Все хотели как лучше», — размышлял Сергей Николаевич. Девочка выросла в семье. Ее окружали любовью и заботой. А он не окружал. Он и к женщине, вырастившей его ребенка, не поехал. Не захотел. Просто надо было подтвердить историю, рассказанную дочерью. Что там подтверждать? Одно лицо.

Может быть, та женщина и права была в том, что девочка выросла в семье, имела настоящее детство, с мамой, папой, собакой и двором, в котором она играла.

Он такого дать не мог. А сейчас его вдруг понесло. Он кинулся компенсировать дочери то, что не состоялся для нее как отец. Для Екатерины он так не делал. Для нее уже поздно. Да ей и не нужно. А вот той, другой, нужно.

Вот здесь Коламута одолевало беспокойство. Что еще той, другой, нужно? Что от нее ожидать? Надо взглянуть правде в лицо.

— Сергей Николаевич, — начала улыбающаяся ведущая, — мы очень рады, что наша встреча состоялась...

Коламут улыбался в ответ.

Что ж. На него работает целая орава маркетологов, социологов, советчиков. Придумают, что сказать, как удачнее представить. В конце концов, теперь он дважды отец. Дважды хороший отец.

■ Глава 6

Когда-нибудь она обязательно будет спать по восемь часов в день. Начнет радоваться солнечному свету, станет легкой, воздушной, к поцелуям зовущей. Хороший сон и отсутствие стресса даже важнее, чем питание и физическая нагрузка. Но это то, чего у нее не было. И ниоткуда взять она не могла. О сне Кира могла только мечтать.

Не потому, что засиживалась за ноутбуком, строчила статьи, редактировала публикации, бесконечно много работала. Работа скорее спасение от ночного отупения, от тяжелого взгляда, уставившегося в темный потолок, который давил на нее каждую ночь. От ужаса темноты. Едва закрыв глаза, Кира оказывалась в той могиле. Во мраке страха и паники. Чувствовала на лице влажные комья, запах сырой земли и приближение смерти. Она задыхалась, дрожала и просыпалась. Часами пиялилась в темноту. Иногда, закутавшись в одеяло, сидела в кресле. Наконец организм изматывался от бессонницы настолько, что реальность плыла, перед глазами расплзались цветные круги — и Кира вырубалась. Иногда выпивала тройную дозу снотворного и тоже отключалась ненадолго. Если девушке удавалось поспать часа три-четыре, она считала это большой удачей. Такое случалось не каждую ночь. Вчера она работала до четырех ночи, потом разглядывала ночной потолок.

«Утра. Четырех — это утра», — поправила Кира себя.

Сегодня ее ждали в Управлении МВД. Точно, она же взялась консультировать.

Кира открыла холодильник и с минуту любовалась его пустотой. Сегодня она точно зайдет в магазин

и на рынок за мясом и яйцами. Вот еще один плюс Краснодара, который девушка оценила и к которому нежно привязалась. Это необыкновенно вкусная, свежая и местная, а не привезенная из-за тридевять земель еда. Молочко и сыр от коровки, которая паслась на лугу и кушала травку. Яйца от свободолобных кур. Парное мясо свободно гуляющих барашков. Москвичам, да и всей остальной стране, и не снятся огурцы, пахнущие огурцами, а помидоры, по вкусу напоминающие помидоры. Даже тем, кто растит свое, ибо в химическом облаке, которым накрыты города, и в земле, которая отмерзает лишь на три месяца, вкус у выращенного сформироваться не успевает, только увеличивается размер и появляется тот или иной цвет.

Помечтав о жирном сочном мясе и малине, она пошла в ванную. Сегодня завтракать придется в кафе.

Через два часа она сидела в кабинете подполковника и листала дела трех убитых женщин. Страницу за страницей, от начала до конца. Потом сначала.

Первая, в хронологическом порядке, — Наталья Андреевна Веденева, тридцать пять лет. Проживала и работала в городе Краснодаре. Работала психологом, стало быть, коллега. Трудилась в частной конторе, но имела и социальную практику. Общественная нагрузка за символическую оплату. Погибла семь месяцев назад, в феврале. Не замужем. Есть мать. В крови немного успокоительных и антидепрессантов. Незадолго до смерти рассталась с молодым человеком. Несчастливая любовь. Это и послужило причиной самоубийства. Молодой человек возможность самоубийства подтверждает. «Могла. Способна. Грозилась». Почему не предотвратил? Никому не позвонил? Не рассказал? «Не отнесся всерьез. Думал, только испугать

хочет». Так могла или все-таки пугала? И почему не отнесся всерьез? Замкнутый круг.

— И правильно, что не отнесся, — проговорила Кира. — Потому что это никакое не самоубийство.

Она положила перед собой две фотографии. На одной девушка была живой. Серьезной, сосредоточенной, неброско накрашенной, тщательно и строго причесанной. На второй фотографии — сильно пострадавший от воды труп. Неестественная, будто поломанная кукла. Множество травм. Но и в таком виде явно просматривалось наличие макияжа, волосы тщательно покрашенные, недавно из парикмахерской, маникюр, тоже свежий. В отчете не было, а вот на теле наверняка в определенных местах волосы удалены с помощью эпиляции, сделанной накануне. На женщине облегающее платье, туфли на высоком каблуке, кружевное нижнее белье. Комплект. Самоубийцы так не выглядят. Женщины, готовые на самоубийство, способные на него, которые неоднократно крутят эту возможность в голове, это женщины безразличные ко всему. К своей внешности в первую очередь. Только в кино и в клипах женщина красится, надевает вечернее платье и сексуальное нижнее белье, чтобы сигануть с моста в грязную вонючую речку.

Нет, Наталья не самоубийца. Скорее уж она шла на свидание.

Жертва работала с женщинами в трудных ситуациях, направленных из кризисных центров, после попыток суицида или нервных срывов. Что еще?

Вторая была убита три месяца назад. Агафонова Ольга Сергеевна. 1984 года рождения. Проживала в Адыгее. Супруг, двое детей. Ехала к подруге, собиралась остаться с ночевкой. Не доехала. Нашли через три дня мертвую, растерзанную и почти в двухстах